

Но в другом стихотворении, написанном для влюбленного Государя, он строго соблюдает правило, завершая фразу по смыслу к концу третьей строки; это:

Сколько терний, Любовь, ... и т. д.

Первым, кто заметил, что соблюдение вышеназванного правила необходимо в шестистрочных стансах, был Менар, и, быть может, именно поэтому Малерб почитал его французом, пишущим стихи лучше чем кто-либо. Ракад, который играл немного на люте и любил музыку, пошел сперва на уступку музыкантам, кои не могли делать репризу в шестистрочных стансах при отсутствии паузы в конце третьей строки; но когда Малерб и Менар пожелали, чтобы в десятистрочных стансах делали остановку еще в конце седьмой строки, он воспротивился и почти никогда этого не соблюдал. Он исходил из того, что такие стансы никогда не поются и коли даже их стали бы петь, то не цели бы с тремя репризами; вот почему вполне достаточно одной в конце четвертой строки.

Малерб хотел, чтобы в элегиях стихи получали законченный смысл через каждые четыре строки, даже, по возможности, через каждые две. Ракад с этим так никогда и не согласился.

Малерб не желал, чтобы в стихах употреблялись такие неопределенные числительные, как «сто» и «тысяча», например: «тысяча терзаний»; и, увидев слово «сто», в шутку говорил: «А быть может, было всего лишь девяносто девять?». Но он утверждал, что есть особая прелесть в употреблении чисел, когда это бывает надобно, как вот в таком стихе Ракава:

Вам триста лет, могучие дубравы...

Это также одно из тех суждений, с которыми Ракад не мог примириться: тем не менее он осмелился выступить открыто лишь после смерти Малерба.

Кстати о числе. Когда кто-нибудь говорил: «Его все лихорадки трысут», — Малерб спрашивал: «А сколько их, лихорадок-то?».

Он потешался над теми, кто утверждал, будто в прозе тоже есть свой счет; он говорил, что длинный ряд периодов — все равно что стихи в прозе. Это дало кое-кому повод предположить, что не он перевел «Послания» Селеки, ибо периоды этого текста в какой-то мере построены на счете.

По одному из писем Малерба видно, что влюбленным он был довольно неотесанным. Он признается в нем г-же де Рамбузе, что, заподозрив виконтессу д'Оши (в его стихах она — «Калиста») в сердечной склонности к другому сочинителю и застав ее одну, лежащую в постели, он левой рукою схватил ее обе руки, а правой принялся хлестать ее по щекам, пока она не стала звать на помощь. Увидев, что сбегаются люди,